

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

А.В. Фененко*

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА МЕЖДУНАРОДНОЙ КОСМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Резкое обострение конкуренции в космосе в начале XXI века вызвало очередной всплеск интереса к концепциям космической безопасности. Теоретические изыскания в данной области, однако, до сих пор остаются прерогативой американской политологии, совокупностью подходов к обеспечению безопасности космических активов США. Налицо необходимость создания новой теории, которая учитывала бы специфику многостороннего взаимодействия между участниками расширившегося после окончания «холодной войны» «космического клуба». В статье дается обзор концепций космической безопасности, рассматриваются вопросы международно-правового регулирования использования космоса, межгосударственные договоренности об усилении мер доверия в космическом пространстве, а также проблемы военно-космической политики.

Ключевые слова: космическая безопасность, теория космического национализма, теория глобального институционализма, теория технологического детерминизма, теория социальной интеракции, «Договор о Луне», «вторая космическая гонка».

The significant rise of competition in space in the beginning of the XXI century has resulted in a new surge of interest in the concept of «space security». However, this research field remains the prerogative of the American political science and represents an assembly of theoretical approaches aimed at ensuring the security of the U.S. space assets. Thus, the development of a new theory that would take into account the particularities of a multilateral interaction between the members of the expanded post-Cold War Space Club becomes a necessity. The article contains a review of academic literature on confrontation in space, examines the issues of international legal regulation of space exploration, recalls the bilateral interstate treaties on confidence-building measures in space, and sheds light on military space policy.

Keywords: space security, space nationalism, global institutionalism, technological determinism, social interactionism, the Moon Treaty, the Second Space Race.

---

* Фененко Алексей Валериевич — к.и.н., доцент кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института проблем международной безопасности РАН (e-mail: afenenko@gmail.com).

В современной политической теории происходит третий после 1960-х и 1980-х гг. всплеск интереса к концепциям космической безопасности. Причина тому — ряд объективных процессов в сфере международной космической деятельности. Во-первых, не получили развития популярные в 1990-е гг. проекты кооперационного освоения космического пространства. Во-вторых, продолжается процесс распространения ракетных технологий, увеличивающий число государств-участников «космического клуба». В-третьих, между великими державами наметилось новое соперничество за изучение Луны, планет Солнечной системы и ближнего космоса. В-четвертых, возникло новое поколение концепций милитаризации космического пространства, прежде всего — в области развертывания систем противоракетной обороны (ПРО). В-пятых, нарастает соперничество между государствами и крупными коммерческими компаниями за использование рынка космических услуг. В такой ситуации особую актуальность приобретают (1) оценка конфликтного потенциала освоения космического пространства, (2) прогнозирование возможных конфликтов в этой сфере и (3) разработка мер, снижающих опасность вооруженного столкновения в околоземном пространстве.

1

Понятие «космическая безопасность» (space security) появилось в научной литературе в 1950-х гг. Единого определения этого термина нет. Дискуссии в работах по космической безопасности происходят вокруг трех проблем:

- возможность создания полноценного космического оружия (и, как следствие, девальвации роли стратегических ядерных сил);
- возможность возникновения военного конфликта с использованием военно-космических средств;
- возможность появления механизмов кооперационного освоения космического пространства.

Возникновение понятия «космическая безопасность» стало результатом «первой космической гонки» между СССР и США. К концу 1950-х гг. Москва и Вашингтон добились успехов в реализации военно-космических программ. Параллельно происходило распространение ракетных технологий через сотрудничество СССР и США с другими странами, а также через деятельность Международного комитета по использованию космического пространства (КОСПАР). Эти процессы побудили американских и советских исследователей задуматься о правовом статусе космического пространства [8].

Первоначально дискуссии строились вокруг поиска исторического прецедента, аналогии освоения космоса с освоением других «общих пространств» (common spaces) [32]. Одним вариантом виделся раздел космоса между двумя сверхдержавами по образцу Тордесильяского договора Испании и Португалии (1494) о разделе будущих открытых земель Африки, Азии, Северной и Южной Америки. Другой вариант предусматривал неконтролируемое соперничество всех держав за раздел космоса, как в прошлом это произошло с океаническим и воздушным пространствами. Еще один вариант предполагал введение системы «космического соуправления» по образцу Международного договора об Антарктике 1959 г.

В 1950—1980-е гг. сложились четыре научные школы, по-разному трактовавшие суть космической безопасности. Первая — *теория космического национализма* (Space nationalism) — делала упор на необходимости самостоятельной защиты государством космических активов. Представители этого направления (Герман Канн [25], Дон Каш [26], Додд Харвей и Линда Цицзорити [23], Мэттью фон Бенке [35], Эверетт Долман [18]) полагали, что международные договоренности не гарантируют защиту от военно-космической деятельности другого государства. Основное внимание представители «космического национализма» фиксировали на проблемах допустимости с международно-правовой точки зрения милитаризации космического пространства и на технологических ограничениях этого процесса. Наибольшим успехом школа космического национализма пользовалась в 1980-е гг., что было связано с дискуссиями вокруг программы Стратегической оборонной инициативы (Strategic Defense Initiative — SDI/СОИ), выдвинутой администрацией Рональда Рейгана в 1983 г.

Вторая школа — *теория глобального институционализма* (Global institutionalism) — фокусировала внимание на необходимости уменьшить опасность военного столкновения в околоземном пространстве. По мнению сторонников этой теории (Артура Кларка [17], Вилея Лея [29], Франка Джибнея и Джорджа Фелдмана [22]), самостоятельные действия государств по защите своих космических активов приведут к милитаризации космоса. Единственной гарантией мирного характера космической деятельности выступает создание наднациональных институтов управления космическим пространством. По их мнению, на космос необходимо было распространить опыт международного соуправления антарктическим, а затем (после подписания в 1982 г. Конвенции ООН по морскому праву) и океаническому пространством.

Третья школа — *теория космического детерминизма* (Technological determinism) — сложилась в 1970-е гг. Ее авторы (Виктор

Басьюк [15], Нейл Рузик [34], Арнольд Фруткин [21], Герберт Йорк [36]) размышляли над необходимостью ограничить деятельность отдельных субъектов космической политики. В отличие от сторонников теории глобального соуправления, эти исследователи понимали невозможность на данном этапе передать космическое пространство под международный контроль, но настаивали на необходимости создания международного института, наблюдающего за соблюдением правил использования космоса. В качестве примеров они приводили Международный союз электросвязи (1865, 1934) и Международное агентство по атомной энергии (1957), полномочия которого были расширены после подписания многостороннего Договора о нераспространении ядерного оружия (1968). Подобные идеи обсуждали и в советской научной литературе 1970—1980-х гг. в рамках концепции международного «технологического взаимодействия» в ходе изучения и освоения космического пространства [1; 12].

Четвертая школа — *теория социальной интеракции* (Social Interactionism) — возникла в 1980-е гг. в рамках дискуссий вокруг программы СОИ. К тому времени в США и СССР возник целый пласт экспертной литературы о невозможности создания на существующем технологическом уровне полноценного космического оружия и системы ПРО космического базирования [5], поэтому представители этой школы сосредоточили внимание на механизмах космической политики. Основной упор они делали на анализе (1) интересов различных субъектов (особенно бюрократических и лоббистских групп, а также военно-промышленного комплекса) и (2) процесса принятия политических решений по использованию космического пространства. Подобные идеи высказал в 1976 г. американский исследователь Роберт Джервис [24]. В 1980-е гг. они получили развитие в работах Ричарда Нейштадта, Эрнеста Мэя [33], Стивена Кулла [27] и Деборы Ларсон [28].

Появление теории социальной интеракции изменило характер дискуссий по вопросам космической безопасности. До 1980-х гг. их основной направленностью была проблема создания международного режима управления космическим пространством. В рамках теории социальной интеракции проблематику космической безопасности стали рассматривать сквозь призму восприятия угроз (государственная бюрократия, бизнес, военно-промышленный комплект зачастую по-разному воспринимают космические угрозы: если военные, например, видят основную угрозу в реализации военно-космических программ других государств, то для бизнеса опасность исходит из неурегулированности правовых аспектов использования космического пространства). В политической теории к концу 1980-х гг. понятие «космическая безопасность» стало включать:

- техническую и правовую защищенность космических активов;
- способность вооруженных сил защищаться от нападения с использованием космических систем навигации и связи (аэрокосмическая безопасность);
- отсутствие угроз для ведения деятельности в космическом пространстве;
- «безопасное» с точки зрения интересов государства состояние космической инфраструктуры.

Дальнейшие дискуссии по проблемам космической безопасности не выходили за рамки этих представлений. В 1990-е гг. на волне российско-американского сближения в области освоения космоса и создания Международной космической станции (МКС) появилась серия работ о возможности кооперационного использования космического пространства. Их авторы (Сьюзан Эйзенхауэр [19], Вильям Барроуз [16]) делали упор на необходимости нового понимания космической безопасности — снижения военно-политической конфронтации в ближнем космосе и превращения его в новое пространство экономического взаимодействия, например за счет развития проектов спутниковой связи, спутникового телевидения и коммерческих запусков искусственных спутников Земли. Американское превосходство в космосе, по мнению Мэттью фон Бенке [35, р. 3], должно реализовываться только через выдвижение совместных с другими странами проектов освоения космического пространства.

В начале XXI в. ситуация изменилась. В научной литературе стали широко обсуждать концепцию «второй космической гонки» — возвратное соперничество между великими державами за изучение Солнечной системы, развертывание систем спутниковой навигации и связи и вывод в околоземное пространство компонентов ПРО [13]. В 2001—2003 гг. некоторые исследователи (например, Эверетт Долман [18]) сосредоточили основное внимание на проектах по милитаризации околоземного пространства, разрабатываемых администрацией Дж. Буша-младшего (2001—2008). С 2004 г. другие авторы (например, Джеймс Клэй Молтц [32], Джеймс Фриз [20]) сместили акцент на многостороннее соперничество в космическом пространстве. Основное внимание в этих работах исследователи уделяли не только планам США, но и ответным планам освоения космоса КНР, России, Индии, Японии, Европейского космического агентства (ЕКА), Бразилии. Попытку рассмотреть космическую безопасность в контексте соперничества вокруг развертывания системы американской ПРО предпринимали и в российской литературе конца 2000-х гг. [6; 9].

Таким образом, за минувшие полвека в теории космической безопасности сложилось несколько школ, но это направление ис-

следований пока остается прерогативой американской политической теории. Основное внимание американские исследователи уделяют политике Соединенных Штатов. «Международная космическая безопасность» по-прежнему остается совокупностью американских подходов к обеспечению безопасности своих космических активов, созданию благоприятной среды для реализации американских космических проектов и закреплению превосходства Вашингтона в области освоения космического пространства.

2

Ключевым направлением международной космической безопасности остается правовое регулирование принципов использования космического пространства. Эта проблема зародилась в конце 1950-х гг., когда СССР и США достигали быстрых успехов в реализации военно-космических программ, что порождало две группы проблем. Первая — возможность провозглашения сверхдержавами своего суверенитета над отдельными сегментами космического пространства. Вторая — вывод в космос оружия массового поражения (ОМП) и милитаризация околоземного пространства. Возникла потребность в разработке международно-правовых норм освоения космоса [11].

Первым шагом в этом направлении стало создание международных организаций по использованию космического пространства. Еще в 1950 г. появилась Международная федерация аэронавтики; в 1958 г. — КОСПАР; в 1959 г. — Комитет ООН по использованию космического пространства в мирных целях; в 1961 г. — Управление по вопросам космического пространства при Секретариате ООН. Эти организации на тот момент не имели полномочий разрабатывать универсальные правовые нормы использования космоса, а деятельность их носила во многом противоречивый характер. Но сам факт их создания позволил сформировать переговорную площадку для выработки многосторонних соглашений в области обеспечения космической безопасности.

Толчком к ускорению переговоров по разработке норм международного космического права стало принятие в 1961 г. Резолюции ГА ООН № 1721 (В). Документ постулировал принципы мирного использования космического пространства, необходимость регистрации запускаемых с Земли космических аппаратов, регистрации соответствующих учреждений и кодификации международной космической деятельности. Эти положения носили рекомендательный характер, но в рамках Договора о запрещении испытаний ядерного оружия в трех сферах (1963) был введен запрет на вывод ядерного оружия в космическое пространство. Установление этого

ограничения подтвердило возможность создания наднациональных норм деятельности в космосе.

Переговоры по выработке универсального соглашения по космическому пространству начались на XVIII сессии СБ ООН в 1963 г. Ее участники подтвердили намерение отказаться от вывода на околоземную орбиту объектов с ОМП и от размещения ОМП на небесных телах и в космическом пространстве. Трудно сказать, были эти обязательства доброй волей великих держав или осознанием невозможности осуществления подобных проектов на технологическом уровне 1960-х гг. И все же на базе решений XVIII сессии СБ ООН 27 января 1967 г. был подписан Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства («Договор о Луне»).

Подписанный договор вводил несколько комплексов ограничений на ведение космической деятельности. Ее базовыми нормами были провозглашены исследование и использование космического пространства в интересах всего человечества, равноправие всех стран в космосе, свобода проведения научных исследований, а также следование международному праву, включая Устав ООН. Документ запрещал присвоение космического пространства, в том числе Луны и небесных тел, вывод ОМП в космическое пространство и на небесные тела, а также преднамеренное загрязнение космоса. Участники договора обязались использовать Луну и другие небесные тела исключительно в мирных целях, признать космонавтов посланцами человечества в космосе, ввести нормы международной ответственности за деятельность в космическом пространстве и руководствоваться принципами сотрудничества и взаимной помощи при освоении космоса.

Подписание «Договора о Луне» позволило решить целый комплекс задач. Прежде всего, удалось ввести советско-американское соперничество за освоение космоса в правовые рамки. Государства также обязались не провозглашать свой суверенитет над космическими телами (реализовать который, правда, станет возможным только в отдаленном будущем — после достижения технической возможности осуществлять пилотируемые полеты к Луне и планетам Солнечной системы). Договор снял непосредственную угрозу вывода в ближний космос ОМП и осложнил проведение работ по созданию систем ПРО космического базирования, которые в то время проектировали обе сверхдержавы.

Однако этот договор содержал ряд правовых лакун, позволявших обходить некоторые введенные им ограничения. В документе не содержалось запрета на вывод в космическое пространство обычных вооружений и не регламентировались нормы ведения

коммерческой деятельности в космосе. Договор не определял статуса ряда спорных сегментов международного космического пространства (например, геостационарной и полярных орбит Земли). Особой проблемой было отсутствие в документе определения понятия «космическое пространство». Международная федерация аэронавтики в 1955 г. провела границу между воздушным и космическим пространствами на высоте 100 км от уровня моря. Это определение не носило, однако, юридически обязывающий характер. В противовес ему США провозгласили функциональный подход к данному вопросу, предусматривающий разграничение воздушной и космической деятельности в зависимости от типа используемого летательного аппарата.

В такой ситуации ключевым направлением космической дипломатии стало закрытие правовых лагун «Договора о Луне» [7]. В 1968 г. было подписано Соглашение о спасении космонавтов, возвращении космонавтов и объектов, запущенных в космическое пространство. Документ фиксировал обязательство государств по оказанию помощи космонавтам, а также нормы возвращения потерпевших крушения космических аппаратов. В 1972 г. последовала Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическим объектам (включая уничтожение или повреждение имущества государства, юридических или физических лиц). Документ обязывал возмещать причиненный ущерб в соответствии с международным правом и принципом справедливости.

В 1976 г. вступила в действие международная Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство (открыта для подписания 14 января 1975 г.). Она ввела нормы обязательного предоставления информации о космических объектах. Документ также придал юридическую силу Резолюции ГА ООН 1961 г. На базе Конвенции был сформирован международный реестр информации о действующих космических аппаратах.

Однако международные соглашения 1968—1976 гг. не создали новый режим обеспечения безопасности деятельности государств в космическом пространстве. Ситуация изменилась во второй половине 1970-х гг., когда СССР, Аргентина и Польша разработали проект международного соглашения о юридическом статусе Луны. В 1979 г. на его основе было подписано Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах («Соглашение о Луне»). В документе Луна была объявлена общим наследием человечества, а также было заявлено, что государства ведут деятельность на Луне от имени всего человечества. Фактически это означало попытку создания международного режима эксплуатации Луны и распределения потенциальных благ между государствами.

Наибольшую критику договор вызвал со стороны США. Администрация Р. Рейгана (1981—1988) утверждала, что он противоречит Договору 1967 г.: последний фиксировал нейтральный статус небесных тел, но не объявлял об их принадлежности какому-либо субъекту. Вашингтон также оспаривал необходимость перераспределения добытых на Луне ресурсов в интересах «человечества» (т.е. государств, не ведущих своей космической деятельности). В 1984 г. Соединенные Штаты отказались ратифицировать «Соглашение о Луне»; СССР последовал их примеру. Договор вступил в силу для 13 государств, среди которых не было космических держав.

В 1980-е гг. на первое место стала выходить проблема, не предусмотренная «Договором о Луне»: дистанционное зондирование Земли (ДЗЗ). Возник вопрос о необходимости получать согласие «зондируемых» государств на осуществление подобной деятельности над их территорией. США, Западная Европа и Япония выступали за формирование свободного рынка данных ДЗЗ. СССР и развивающиеся страны, напротив, настаивали на получении предварительного согласия «зондируемых» стран. Итогом этих дискуссий стала принятая 3 декабря 1986 г. Резолюция ГА ООН № 41/65 «Принципы, касающиеся дистанционного зондирования Земли из космоса». Она постулировала право всех стран осуществлять эту деятельность. «Зондируемым» государствам был предоставлен доступ к результатам ДЗЗ на недискриминационной основе и за умеренную плату.

Другой проблемой было использование ядерных источников энергии (ЯИЭ) при ведении космической деятельности. В 1992 г. ГА ООН утвердила Принципы, касающиеся использования ядерных источников энергии в космическом пространстве. Документ определял ЯИЭ как радиоизотопные генераторы и атомные реакторы, используемые в космических аппаратах, вводил правила и меры защиты для всех фаз полета космических объектов. Это позволило пресечь возможные обвинения отдельных государств в преднамеренном загрязнении космического пространства.

В 1990-е гг. попыток дополнения «Договора о Луне» не предпринималось. Отчасти это было связано с достижением США военно-космического превосходства и становлением системы кооперационного освоения космоса Россией, США и странами ЕС. Но именно в 1990-е гг. произошло обострение проблем, связанных с правовыми лакунами «Договора о Луне». В 1999 г. администрация У. Клинтона (1993—2000) заявила о намерении модифицировать советско-американский Договор по ПРО 1972 г. Это вызвало новую волну дискуссий вокруг усиления положений базового Договора 1967 г.

Началом дискуссий стало обсуждение проекта Международной конвенции по космическому праву. Этот документ, разработанный под руководством России, в 2000 г. был представлен юридическому подкомитету Комитета ООН по использованию космического пространства в мирных целях. Конвенция представляла собой свод предшествующих соглашений по использованию космического пространства, включая основные положения «Соглашения о Луне» 1979 г. В поддержку российского предложения выступили КНР, Колумбия, Болгария, Греция, Иран. Однако США и страны ЕС отказались от его обсуждения. Свою позицию они мотивировали непроясненностью соотношения предполагаемой Конвенции и «Договора о Луне» 1967 г.

Следующей проблемой стало предотвращение милитаризации космического пространства. С программным заявлением по этому вопросу выступил президент РФ В.В. Путин на заседании ГА ООН 6 сентября 2000 г. Он заявил о необходимости предотвращения милитаризации космоса, подписания договора о запрете вывода в космос ударных боевых систем и укрепления правовых норм международной деятельности в космическом пространстве. Заявление президента России вызвало поддержку со стороны КНР, но США отказались обсуждать этот вопрос. Администрация Дж. Буша-младшего, напротив, вышла из Договора по ПРО 13 июня 2002 г. и заявила о намерении развивать средства космического обеспечения будущей системы противоракетной обороны.

В середине 2000-х гг. Россия при поддержке КНР попыталась форсировать переговоры по предотвращению гонки вооружений в космическом пространстве. На заседании ГА ООН 2005 г. российская сторона представила проект обеспечения «коллективной безопасности» в космосе с помощью запрета на вывод в космическое пространство обычных вооружений, а также проект документа «Меры по обеспечению транспарентности и укреплению мер доверия в космическом пространстве». В первоначальном виде он не был принят, но 6 декабря 2006 г. ГА ООН приняла Резолюции «Предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве» (A/RES/61/58) и «Меры по обеспечению транспарентности и укреплению доверия в космической деятельности» (A/RES/61/75). Эти декларации были близки российскому проекту усиления мер доверия в космосе, но не носили обязательного характера.

Россия и КНР попытались использовать эти заявления для разработки соглашения, дополняющего «Договор о Луне» 1967 г. Москва и Пекин представили 11 апреля 2007 г. юридическому подкомитету Комитета ООН по использованию космического пространства в мирных целях проект Договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы

или угрозы силы в отношении космических объектов. Проект предусматривал введение запретов на (1) размещение в космосе ударных боевых систем, (2) вывод в космическое пространство любых вооружений и (3) применение силы против космических объектов. 7 августа 2007 г. Комитет ООН одобрил этот проект. Договор предполагалось открыть для подписания на ежегодной Конференции ООН по разоружению, проходившей в Женеве 12—13 февраля 2008 г.

Однако Вашингтон отказался от подписания договора, сославшись на необходимость защиты своих космических активов. 5 февраля 2008 г. Госдепартамент США представил серию поправок к проекту, но на Женевской конференции этот договор открыт для подписания не был. 23 мая 2008 г. Россия и КНР приняли совместную Декларацию о запрещении размещения в космосе ударных боевых систем. США и страны ЕС отказались присоединиться к ее положениям. Это препятствует возобновлению переговоров по созданию универсального режима обеспечения международной космической безопасности.

3

Неудачные попытки создать всеобъемлющий режим международной космической безопасности повысили значимость межгосударственных договоренностей об усилении мер доверия в космической деятельности. Ключевую роль играло достижение соглашения между СССР (Россией) и США как ведущими космическими державами. Ослабление соперничества между ними могло компенсировать отсутствие универсального международно-правового документа о мерах доверия в космическом пространстве.

Необходимость завершения «первой космической гонки» американские и советские исследователи обсуждали еще в конце 1960-х гг. Символом прекращения соперничества был совместный полет космических кораблей «Союз-19» и «Аполлон» (1975). Попытки США возобновить «космическую гонку» посредством запуска автоматических станций для изучения газовых планет Солнечной системы (1977), испытания многоразовой транспортной системы «Space-Shuttle» (1981) и выдвижения программы СОИ (1983) не принесли результата. Запуск СССР орбитальной станции «Мир» (1986) и испытание советской многоразовой транспортной системы «Буран-Энегрис» (1988) доказали, что у Вашингтона нет ресурсов для достижения превосходства в космосе [2]. С конца 1980-х гг. СССР и США стали преобразовывать соперничество в проекты совместного освоения космического пространства.

Прекращение «первой космической гонки» во много было связано с решением Советского Союза отказаться от орбитальных баллистических ракет. По условиям Договора ОСВ-2 (1979) СССР и США обязались не создавать, не испытывать и не развертывать частично орбитальные ракеты. Единственной системой подобного класса в то время были советские баллистические ракеты РС-360рб (SS-9 Mod 3 «Scarg») с неограниченной дальностью полета в пределах одного витка вокруг Земли. В 1983 г. они были сняты с боевого дежурства. По условиям Договора СНВ-1 (1991) СССР отказался также от межконтинентальной баллистической ракеты РС-18А (SS-19 «Stilet»), которая, имея дальность полета до 10 000 км, теоретически могла рассматриваться как частично орбитальная. На ее основе были созданы ракеты-носители¹ «Стрела» и «Рокот», которые позднее широко использовались совместными российско-американскими коммерческими предприятиями «International Launch Services» и «Sea Launch».

Правовой основой для совместного освоения космоса Россией и США стало подписанное 17 июня 1992 г. межгосударственное Соглашение о сотрудничестве в области исследования и использования космического пространства в мирных целях. Проблемы соосвоения стали регулярно обсуждать на заседаниях межправительственной «комиссии Гора—Черномырдина». 5 октября 1992 г. Россия и США запустили совместную программу Роскосмоса и НАСА «Мир—Шаттл». Российских космонавтов стали доставлять на орбитальную станцию «Мир» американские корабли системы «Space-Shuttle», а американские астронавты проводили на станции «Мир» научные экспедиции. В 1996 г. ОАО «Ростелеком» и американский консорциум «Globalstar» подписали соглашение о создании ЗАО «ГлобалТел» — эксклюзивного оператора системы связи «Globalstar» в России.

Другим направлением российско-американского взаимодействия в космической сфере стала реализация проекта Международной космической станции (МКС). Еще в 1984 г. НАСА объявило о намерении создать станцию «Freedom», но попытки Вашингтона привлечь к этой работе ЕКА, Канадское космическое агентство и Японское агентство аэрокосмических исследований оказались неудачными. 28 марта 1993 г. Россия предложила США возродить проект станции «Freedom», преобразовав его в МКС. 1 ноября 1993 г. Роскосмос и НАСА подписали «Детальный план

---

1 *Ракета-носитель* — аппарат, действующий по принципу реактивного движения (ракета) и предназначенный для выведения полезной нагрузки в космическое пространство; *ракетоноситель* — средство доставки и транспортировки ракет. Применительно к космической деятельности используется термин «ракета-носитель».

работ по строительству МКС», подключив к этому проекту участников соглашения о строительстве «Freedom», а также космические агентства ряда более мелких государств. 29 января 1998 г. 15 стран подписали межправительственное соглашение о космической станции, в котором был провозглашен переход к системе «искреннего партнерства» в космосе. Участники проекта закрепили за НАСА статус назначенного управляющего МКС. Из крупных космических держав к проекту не присоединилась только КНР.

Постепенно Россия и США переходили к проекту сотрудничества в космическом пространстве в военных целях. О возможности координации усилий в области создания системы ПРО впервые заявил 5 февраля 1992 г. президент РФ Б.Н. Ельцин. После подписания соглашения 17 июня 1992 г. Москва и Вашингтон в 1992 г. запустили программу создания российско-американской спутниковой системы наблюдения (Russian-American Observation Satellite, RAMOS/РАМОС). Весной 1995 г. Россия и США начали проводить эксперименты в околоземной атмосфере с использованием самолетов-лабораторий и космических аппаратов из состава своих орбитальных группировок. Реализация этой цели позволила бы создать центр наблюдения за ракетными пусками и одновременно повысить точность целеуказания для противоракет.

Во второй половине 1990-х гг. программа РАМОС стала расширяться до масштабов совместных проектов в области создания систем ПРО театра военных действий (ПРО ТВД). На саммите в Хельсинки 21 марта 1997 г. президенты обеих стран договорились о сотрудничестве Агентства по противоракетной обороне при Министерстве обороны США с российским научно-производственным центром «Комета». 2 сентября 1998 г. президенты У. Клинтон и Б.Н. Ельцин подписали Совместное заявление об обмене информацией о пусках ракет и раннем предупреждении. 4 июня 2000 г. президенты У. Клинтон и В.В. Путин подписали меморандум о создании в Москве совместного центра обмена данными, поступающими от систем раннего предупреждения, и взаимном уведомлении о пусках баллистических ракет. Речь фактически шла о формировании общей российско-американской инфраструктуры для создания системы ПРО ТВД в Европе.

Создание российско-американской системы соуправления космическим пространством требовало, однако, решения проблемы нераспространения ракетных технологий [30]. Механизм контроля этого процесса изначально был выработан в рамках НАТО. В 1949 г. страны альянса договорились о создании Комитета экспортного контроля технологий двойного назначения (Coordinating Committee for Multilateral Export Controls/КОКОМ). В годы «холодной войны» КОКОМ разрабатывал списки стратегических то-

варов и технологий, не подлежащих экспорту в социалистические страны. Речь шла в первую очередь о технологиях для производства баллистических и крылатых ракет, космических аппаратов, ракет-носителей, программного обеспечения для ЭВМ. Но в 1987 г. страны «группы семи» договорились создать на базе КОКОМ менее репрессивный режим контроля над ракетными технологиями (РКРТ). Его программными документами стали принятые 8 апреля 1987 г. «Руководящие принципы» и «Техническое приложение». Условия РКРТ охватывали ракетные системы доставки всех видов ОМП, баллистические ракеты, беспилотные летательные аппараты, крылатые ракеты и средства с дистанционным управлением, включая ДЗЗ.

Основным направлением дискуссий стал вопрос об условиях подключения СССР/России к РКРТ. Советский Союз требовал от стран «группы семи» (1) прописать право всех стран осуществлять космическую деятельность в мирных целях, (2) внести более жесткие ограничения на производство авиационных средств доставки и крылатых ракет и (3) отказаться от практики дискриминации отдельных стран по политическим мотивам. После учреждения РКРТ (октябрь 1987 г.) СССР заявил о неприсоединении к этому режиму, но намерении соблюдать его правила. Россия, однако, пошла по иному пути. После роспуска КОКОМ (1994) на саммите «группы семи» в Галифаксе (Канада, 17—18 июня 1995 г.) Москва присоединилась к РКРТ. Стороны при этом пошли на уступки друг другу. Россия согласилась обсуждать свои сделки по экспорту ракетных технологий со странами «группы семи», а страны «семерки» изъяли из основополагающих документов РКРТ «Памятную записку» 1994 г., предоставлявшую особые привилегии для членов НАТО при заключении подобных сделок.

К тому времени РКРТ представлял собой прообраз международного режима с существенным ограничительным потенциалом. Страны РКРТ проводили один раз в году пленарные заседания для утверждения решений. У режима существовали расширенный контактный пункт (встречи представителей стран-участниц один раз в году в перерыве между пленарными заседаниями) и постоянно действующий контактный пункт (МИД Франции, проводящий ежемесячные совещания представителей стран-участниц РКРТ). Особую роль играла Группа технических экспертов РКРТ, вносящая предложения об изменениях в «Техническое приложение». Однако у РКРТ не было контрольного механизма, поэтому во второй половине 1990-х гг. появились проекты расширения в рамках РКРТ российско-американской программы РАМОС до масштаба наблюдательного органа за пусками баллистических ракет и космических ракет-носителей во всем мире [31].

Предложение о создании перекрестного механизма РАМОС/РКРТ выдвинул президент РФ Б.Н. Ельцин на Кёльнском саммите «группы восьми» 22—23 июня 1999 г. Речь шла о формировании на базе российско-американского заявления 2 сентября 1998 г. Глобальной системы контроля за пусками ракет (ГСК), поставляющей данные странам «группы семи». В ходе визита в Москву 3—5 июня 2000 г. президент США У. Клинтон заявил о готовности обсудить этот проект. 15 февраля 2001 г. в Москве состоялось совещание стран-участниц проекта ГСК, на котором была достигнута договоренность о создании общей системы наблюдения за пусками орбитальных и баллистических ракет и о ведении технического мониторинга с помощью наземных и космических средств обнаружения и наблюдения за пусками ракет. Параллельно предполагалось начать строительство международного контрольного центра для наблюдения за пусками баллистических и орбитальных ракет. Было также решено предоставить гарантии безопасности и экономические преференции странам, отказавшимся от разработки ракетных средств доставки ОМП.

Создание ГСК могло бы стать технической основой для системы соуправления космическим пространством России и США. Однако события стали развиваться по иному сценарию. Администрация Дж. Буша-младшего опасалась, что посредством проекта ГСК Москва стремится девальвировать создание американской системы ПРО. После выхода 13 июня 2002 г. из Договора по ПРО Вашингтон стал свертывать совместные с Россией военно-космические программы. 13 февраля 2004 г. Министерство обороны США объявило о выходе из программы РАМОС. 24 февраля 2005 г. на встрече с В.В. Путиным в Братиславе Дж. Буш-младший заявил о невозможности немедленного строительства Московского центра обмена данными о пусках баллистических ракет. Эти решения фактически остановили создание контрольного механизма ГСК.

Вместо этой системы страны «группы семи» попытались разработать базовый документ о правилах поведения в сфере торговли ракетными технологиями. Проект такого соглашения был создан Группой технических экспертов РКРТ в 1999 г. На встрече в Гааге (Нидерланды) 21 ноября 2002 г. Кодекс был открыт для подписания. Документ фиксировал необходимость предотвратить распространение баллистических ракет и попадание ракетных технологий в руки террористических сетей. Для этого предполагался переход стран-участниц Гаагского кодекса на систему предоставления экспортным компаниям специальных лицензий на торговлю ракетными технологиями и технологиями двойного назначения. Отдельным пунктом фиксировалась необходимость руководствоваться правилами антитеррористической борьбы при заключении

подобных сделок. Последнее означало косвенный отказ государств — членом РКРТ от поставки ракетных технологий неблагонадежным странам.

Гаагский кодекс содержал, однако, две принципиальные оговорки. Первая — заявление о том, что государства не должны лишиться возможности извлечь преимущества от мирного освоения космического пространства. Вторая — положение, фиксирующее добровольный характер выполнения устанавливаемых норм. Это позволяло обходить положения Гаагского кодекса под предлогом развития ракет-носителей мирного назначения. Не удалось привлечь к подписанию этого документ и «новые космические державы» — КНР и Индию.

Неудачные попытки укрепить РКРТ привели к началу «второй космической гонки» на рубеже 2003—2004 гг. Возникли три комплекса проблем, решить которые было невозможно на основе прежних механизмов российско-американского взаимодействия.

Во-первых, «новые космические державы» (КНР, Индия, Япония, ЕКА) добились успехов в реализации своих ракетно-космических программ. Во-вторых, расширился круг государств, осуществляющих совместные проекты со «старыми» космическими державами. В-третьих, обострилось соперничество за развитие систем спутниковой навигации и связи. Россия, ЕКА, а в перспективе и КНР пытаются создать свои, альтернативные США, системы глобального позиционирования. Эти тенденции вызвали болезненную реакцию Вашингтона. 14 января 2004 г. НАСА объявило о запуске программ изучения Луны, Марса и Меркурия, отправив ряд аппаратов к этим объектам.

«Вторая космическая гонка» доказала ограниченность существующих механизмов контроля над деятельностью в космическом пространстве. Соглашения 1960-х — 1980-х гг. вырабатывались для стабилизации российско-американского соперничества в космосе. В 2000-е гг. стала очевидна их односторонность и отчасти даже слабость в условиях многостороннего соперничества в космическом пространстве. Распад российско-американского взаимодействия по космическим проблемам сделал невозможным создание системы неформального регулирования международной космической деятельности на базе РКРТ. Центр обеспечения космической безопасности вновь стал смещаться на национальные военно-космические программы [10].

4

Военные аспекты космической безопасности эксперты традиционно увязывают с введением международных ограничений на осуществление военно-космической деятельности. В рамках по-

следней при этом выделяют два направления: вспомогательное и самостоятельное использование космического пространства. В первом случае речь идет о создании на базе спутников систем связи, разведки, наблюдения, навигации и управления военными действиями; во втором — о гипотетических ситуациях вывода в космос ударных боевых систем, использования противоспутникового оружия и создания автономных космических перехватчиков [4]. В этой связи военные аспекты космической безопасности пока сводятся к международным ограничениям на развитие систем ПРО космического базирования и вывод в космос ударных космических вооружений (УКВ).

Параметры переговорного процесса по данной проблеме были заданы советско-американским Договором по ПРО 1972 г. Документ запрещал создание систем ПРО мобильного, морского, воздушного и космического базирования, а также размещение их на территории союзников. Одновременно была введена норма, согласно которой развертывание стратегической ПРО и радиолокационных станций (РЛС) допускалось только по периметру государственных границ. Договор не запрещал развитие научно-исследовательских программ по изучению перспективных систем ПРО, что позволяло проектировать космические перехватчики, но в целом вводил серьезные ограничения на гонку вооружений в космосе.

В 1980-е гг. Договор по ПРО пережил серьезный кризис. В американской программе СОИ был провозглашен курс на построение системы стратегической противоракетной обороны космического базирования для борьбы с баллистическими ракетами. В отличие от предшествующих проектов стратегической ПРО, упор в ней был сделан на развитие «экзотических» технологий: боевых лазеров и электромагнитных ускорителей частиц. Это вызвало дипломатический кризис в советско-американских отношениях: СССР рассматривал СОИ как нарушение Договора по ПРО 1972 г., США — только как исследовательскую программу. С 1983 г. Советский Союз требовал вести переговоры по «евроракетам» и стратегическим вооружениям только в пакете с переговорами по УКВ. Разблокировать оба переговорных пакета Кремль согласился в 1986 и 1988 гг., когда США фактически свернули программу СОИ.

Вашингтон со своей стороны также имел претензии к Советскому Союзу в вопросах соблюдения Договора по ПРО. Тревогу администрации Р. Рейгана вызывало строительство РЛС в районе Красноярска, т.е. в глубине советской территории, а также прошедшие в 1987 г. испытания макета советской орбитальной станции военного назначения «Полюс» («Скиф-ДМ»). Предварительное разрешение этих проблем Соединенные Штаты ставили в качестве условия для возобновления переговоров по ОСВ/СНВ. В целом

разработка СОИ и строительство Красноярской РЛС создавали прецеденты «расширенной трактовки» Договора 1972 г. — попыток США и СССР развивать реальные проекты в области стратегической ПРО под предлогом разработки исследовательских программ.

Поворотный момент в переговорах по данной проблеме произошел на встрече министра иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе и госсекретаря США Д. Бейкера в Вайоминге (США, 22—23 сентября 1989 г.). В ходе дискуссий стороны выработали принцип разведения переговоров по наступательным и оборонительным стратегическим вооружениям. Логика «Вайомингского компромисса» легла в основу советско-американского Договора СНВ-1 (1991), в котором не зафиксированы проблемы ограничения систем ПРО и УКВ. Впоследствии стороны по-разному трактовали итоги Вайомингских договоренностей. Советский Союз и Россия видели в них разовый компромисс для достижения соглашений по Договору СНВ-1, США — согласие Москвы вывести ПРО и УКВ из переговорного пакета по стратегическим вооружениям.

В 1990-е гг. характер переговоров по данной проблеме изменился. В 1991 г. в США был принят «Закон о противоракетной обороне» (Missile Defense Act), в соответствии с которым в ранг национальных приоритетов возводилась разработка системы ПРО ТВД. В 1993 г. Организация по управлению программой СОИ (Strategic Defense Initiative Organisation) была преобразована в Организацию по противоракетной обороне (Ballistic Missile Defense Organization). Эти решения означали свертывание программы создания полномасштабной системы ПРО космического базирования. Вместо нее корпорация «Lockheed» разработала в 1991—1994 гг. серию проектов ПРО ТВД, способных поражать цели на границе атмосферного и космического пространства (от 100 до 120 км).

Создание подобных систем по сути было новой попыткой США перейти к «расширенной трактовке» Договора по ПРО. По американской классификации новые системы относились к ПРО ТВД, но в соответствии с нормами Международной федерации аэронавтики выступали как комплексы стратегической ПРО, поскольку теоретически могли поражать цели в нижних слоях ближнего космоса. Для разрешения этой коллизии администрация У. Клинтона изобрела понятие «Theater High Attitude Area Defense» (ТНААД) — система ПРО «заатмосферного перехвата», представляющая собой промежуточное звено между стратегической и тактической ПРО.

Проект разработки систем ПРО ТВД вызвал сопротивление республиканцев в Конгрессе США, которые в то время требовали создания ограниченной системы стратегической ПРО. С этой целью они представили в Конгресс несколько законопроектов:

о создании системы ПРО для защиты США от одиночных ракетных пусков (1994), о национальной безопасности (1995), о национальной системе ПРО (1997). Ни один из них не был принят в первоначальном варианте, но они побудили администрацию У. Клинтона скорректировать позицию по данному вопросу. 9 февраля 1995 г. Пентагон запустил программу «3+3» по защите США от одиночных ракетных пусков. Программа предполагала разработку систем «заатмосферного перехвата» и развертывание на их основе компонентов для будущей системы ПРО после 2000 г.

Действия США вызвали ряд международных кризисов. Наиболее серьезными были противоречия с КНР. 9 ноября 1994 г. американская компания «Lockheed» подписала соглашение с японским концерном «Mitsubishi» о взаимодействии в области создания систем «ТНААД». 1 декабря 1994 г. Вашингтон начал консультироваться с Тайванем о возможности развертывания данной системы на его территории. Эти события, совпавшие с всплеском тайваньского сепаратизма, вызвали негативное отношение КНР. 12 февраля 1995 г. Пекин заявил, что размещение комплексов «ТНААД» на Тихом океане и развитие программы «3+3» создают угрозу его стратегическим интересам. Но 21 апреля 1995 г. Пентагон приступил к испытаниям «ТНААД». Такой шаг спровоцировал Китай на проведение летом 1995 г. двух крупных военных учений в Южно-Китайском море, а затем и имитацию масштабных пусков в Тайваньском проливе (март 1996 г.). После этого кризиса Вашингтон и Пекин пришли к соглашению: США отказываются от развертывания систем «ТНААД» на Тихом океане, а КНР — от силовых попыток разрешения тайваньского вопроса.

Развитие программы «3+3» вызвало некоторые трудности и в российско-американских отношениях [3]. Еще на встрече в Вашингтоне 26 сентября 1994 г. президент РФ Б.Н. Ельцин поставил перед У. Клинтонем вопрос о необходимости разграничения систем стратегической и тактической ПРО. В ходе Московского саммита 9—11 мая 1995 г. стороны договорились вести переговоры по разведению этих систем, подчеркнули допустимость расширения трактовки Договора по ПРО, а также взаимосвязь проблемы ПРО ТВД с ратификацией СНВ-2. На саммите «группы семи» в Галифаксе (17—18 июня 1995 г.) США предложили самостоятельно определять принадлежность перехватчиков со скоростью полета более 3 км/с. Россия сочла американские предложения нарушением условий Московских договоренностей и 7 июля 1995 г. официально отказалась от галифакского проекта.

Прогресса в переговорах сторонам удалось достичь только на саммите в Хельсинки 21 марта 1997 г. На основе хельсинских договоренностей 26 сентября 1997 г. Россия и США подписали в Нью-

Йорке пакет дополнительных соглашений к Договору СНВ-2. Было установлено, что для систем ПРО ТВД скорость полета перехватчика не должна превышать 3 км/с, если дальность полета баллистической ракеты-мишени не превышает 3500 км. Однако Нью-Йоркский пакет соглашений не был ратифицирован Сенатом США, в то время как Россия ратифицировала их в 2000 г. в пакете с Договором СНВ-2 (1993). Документ в действие не вступил, а проблема милитаризации космического пространства привела к возникновению новой паузы в российско-американских переговорах о контроле над вооружениями.

В 2000-е гг. вопросы военно-космической деятельности обсуждались в рамках дискуссий вокруг создания американской системы стратегической ПРО [14]. 11 января 2001 г. комиссия Пентагона под руководством Д. Рамсфельда подготовила доклад о перспективах военно-космической политики США. 31 августа 2006 г. была принята «Новая космическая политика США», предусматривавшая расширение космического компонента создаваемой системы ПРО. 23 января 2007 г. администрация Дж. Буша-младшего одобрила документ «Космические операции» (Space Operations). Основными направлениями военной деятельности Соединенных Штатов в космическом пространстве были названы создание спутников защиты космических аппаратов, систем бесперебойной замены поврежденных космических аппаратов и противоспутниковых систем.

Эти события вызвали противодействие со стороны России. «Концепция воздушно-космической обороны Российской Федерации» (апрель 2006 г.) предусматривала развитие систем ПВО и воссоздание единого радиолокационного поля страны. 4 октября 2007 г. главнокомандующий Военно-космическими войсками России В.А. Поповкин заявил, что Москва предпримет адекватные шаги в ответ на попытки Вашингтона развернуть систему ПРО с элементами космического базирования. Россия, судя по заявлениям командования Ракетных войск стратегического назначения, развивает ряд проектов в области создания средств преодоления космического эшелона ПРО: (1) мобильный ракетный комплекс «Тополь-М» с боеголовкой, устойчивой к лазерному оружию; (2) межконтинентальная баллистическая ракета РС-24 с разделяющимися головными частями индивидуального наведения; (3) воссоздание производства орбитальных баллистических ракет РС-36орб. Эти меры напоминают концепцию «асимметричного ответа» СССР на программу СОИ 1980-х гг.

Во второй половине 2000-х гг. были проведены первые с середины 1980-х гг. испытания противоспутникового оружия. 11 января 2007 г. Китай уничтожил боеголовкой кинетического подрыва свой

метеорологический спутник «FY-1C» на высоте 865 км над уровнем моря. 21 февраля 2008 г. США уничтожили противоракетой «SM-3» свой спутник «USA-193». Россия не испытала противоспутникового оружия, сохранив в силе свой мораторий от 11 августа 1983 г. Но 11 февраля 2009 г. при не вполне ясных обстоятельствах произошло столкновение американского телекоммуникационного спутника «Iridium 33» с выведенным из строя российским военным спутником «Космос-2251». Некоторые эксперты расценили это событие как косвенное испытание Россией собственной системы поражения спутников.

Наиболее тревожным моментом было отсутствие переговорного процесса по ПРО/УКВ. После неудачи российско-китайского проекта Договора о выводе в космос ударных боевых систем в международном праве не осталось переговорной площадки по военно-космической тематике. В таких условиях Россия попыталась увязать проблему милитаризации космоса с переговорами с США о заключении нового Договора СНВ. 20 апреля 2009 г. президент Дмитрий Медведев заявил в Хельсинки, что дальнейшие переговоры по стратегическим вооружениям Москва будет вести только при соблюдении Вашингтоном трех следующих условий: отказ от вывода в космос ударных боевых систем, введение ограничений на развертывание систем ПРО и распространение контроля на высокоточные системы повышенной дальности. Это означало частичный отход от логики «Вайомингского компромисса» 1989 г.

Результаты этой инициативы оказались двойственными. Договор СНВ-3 (2010) предусматривает увязку оборонительных и наступательных вооружений, но лимитов на развертывание систем ПРО и/или создание УКВ не вводит. Речь идет только о свободном определении сторонами состава стратегических наступательных потенциалов, включая развитие средств преодоления ПРО. Восстановить переговоры по ограничению военно-космической деятельности сторонам не удалось.

* * *

Теория международной космической безопасности была разработана американскими и, отчасти, отечественными исследователями во второй половине прошлого века. Ее повестка определялась основными положениями базового «Договора о Луне» 1967 г. В теоретическом плане речь шла о сохранении системы космического соуправления и предотвращения милитаризации космического пространства, в практическом — о необходимости закрыть правовые лакуны Договора 1967 г. Международная космическая безопасность была в сущности комплексом мер по укреплению этого договора и разработке дополнительных к нему соглашений.

В 2000-е гг. ситуация изменилась. Достижение США превосходства в космосе (включая попытки развертывания систем ПРО) делает невозможным создание универсального международно-правового режима на базе компромисса между космическими державами. Новый виток соперничества в космосе осуществляется также не на двусторонней, а на многосторонней основе. Новые космические государства чувствуют себя «морально свободными» от двусторонних российско-американских договоренностей. Центр обеспечения космической безопасности смещается на национальные военно-космические программы. Это в перспективе увеличивает риск вооруженного столкновения в околоземном пространстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глушко В.П. Развитие ракетостроения и космонавтики в СССР. М.: Машиностроение, 1987.
2. Дворкин В.З. Ответ СССР на программу «звездных войн». М.: ФМП МГУ; ИПМБ РАН, 2008.
3. Есин В.И. Проблема ПРО в глобальной политике // Международные процессы. Т. 7. № 2 (20). Май—август 2009. С. 18—30.
4. Кокошин А.А. «Асимметричный ответ» на «Стратегическую оборонную инициативу» как пример стратегического планирования в сфере национальной безопасности // Международная жизнь. 2007. № 7. С. 29—42.
5. Космическое оружие. Дилемма безопасности / Под ред. Е.П. Велихова, А.А. Кокошина, Р.З. Сагдеева. М.: Мир, 1986.
6. Космос: оружие, дипломатия, безопасность / Под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М.: РОССПЭН, 2009.
7. Крутских А.В. Космос в политическом измерении // Международные процессы. Т. 5. № 2 (14). Май—август 2007. С. 17—26.
8. Мировая пилотируемая космонавтика: история, техника, люди / Под ред. Ю.М. Батурина. М.: РТСофт, 2005.
9. Ознобищев С.К., Потапов В.Я., Скоков В.В. Как готовился «асимметричный ответ» на «стратегическую оборонную инициативу» Р. Рейгана. Велихов, Кокошин и другие. М.: ЛЕНАНД, 2008.
10. Роговский Е.А. Борьба за контроль в космосе // Международные процессы. Т. 5. № 1 (13). Январь—апрель 2007. С. 16—27.
11. Саган К. Космос. М.: Амфора, 2008.
12. Сагдеев Р. Россия и Америка в космосе: вместе или порознь? [Электронный ресурс] // Известия науки. 11.04.2005. URL: <http://www.viperson.ru> (дата обращения: 25.05.2010).
13. Фененко А.В. Конкуренция в космосе и международная безопасность // Международные процессы. Т. 6. № 3 (18). Сентябрь—декабрь 2008. С. 26—41.
14. The Army's Future Combat System (FCS): Background and Issues for Congress. CRS Report for Congress. Order Code RL32888. 12 May 2008 [Electronic resource] // Federation of American Scientists [Official website]. URL: <http://www.fas.org/> (дата обращения: 25.05.2010).

15. *Basiuk V.* Technology, World Politics, and American Policy. New York: Columbia University Press, 1977.
16. *Burrows W.* This New Ocean: The Story of First Space Age. New York: Random House, 1998.
17. *Clarke A.C.* The Exploration of Space. New York: Harper, 1959.
18. *Dolman E.C.* Astropolittick: Classical Geopolity in Space Age. London: Franc Cass, 2002.
19. *Eisenhower S.* Partners in Space: U.S. Russian Cooperation after the Cold War. Washington: Eisenhower Institute, 2004.
20. *Freese J.J.* Space as a Strategic Asset. New York: Columbia University Press, 2007.
21. *Frutkin W.A.* International Cooperation in Space. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1965.
22. *Gibney F., Feldman G.* The Reluctant Space-Farers: A Study in the Politics of Discovery. New York: New American Library, 1965.
23. *Harvey D.L., Ciccorigo L.C.* U.S.—Soviet Cooperation in Space. Miami: University of Miami Press, 1974.
24. *Jervis R.* Perception and Misperception in International Politics. Princeton: Princeton University Press, 1976.
25. *Kahn H.* On Thermonuclear War. Princeton: Princeton University Press, 1960.
26. *Kash D.* Cooperation in Space. Lafayette: Purdue University Press, 1967.
27. *Kull S.* Minds at War: Nuclear Reality and the Inner Conflicts of Defense Polysmakers. New York: Basic, 1988.
28. *Larson D.W.* Origins of Containment. Princeton: Princeton University Press, 1985.
29. *Ley W.* Harnessing Space. New York: Harper, 1959.
30. *Mistry D.* Beyond the MTCR: Building a Comprehensive Regime to Contain Ballistic Missile Proliferation // International Security. Vol. 27. N 4 (Spring 2003). P. 119—149.
31. *Mistry D.* Containing Missile Proliferation: Strategic Technology, Security Regimes and International Cooperation in Arms Control. Washington, 2003.
32. *Moltz J.C.* The Politics of Space Security: Strategic Restraint and the Pursuit of National Interests. Stanford: Stanford University Press, 2008.
33. *Neushtadt R.E., May E.R.* Thinking in Time. New York: Free Press, 1986.
34. *Ruzic N.P.* Where the Winds Sleep: Man's Future on the Moon, A Projected History. Garden City, N.Y.: Doubleday, 1970.
35. *Von Bencke M.* The Politics of Space: A History of Soviet/Russian Competition and Cooperation. Boulder: Westview Press, 1997.
36. *York H.E.* Race to Oblivion. New York: Simon & Schuster, 1970.